

Robert● Savian●

ZERO●

ZERO●

ZERO●

Роберт Савьян

**НОЛЬ
НОЛЬ
НОЛЬ**

Перевод с итальянского
Яны Арьковой, Марины Козловой,
Екатерины Степанцовой

издательство АСТ

Москва

УДК 339
ББК 67.408
С13

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Савьяно, Роберто.

- С13 Ноль ноль ноль / РОБЕРТО САВЬЯНО; пер. с итал. Я. Арьковой, М. Козловой, Е. Степанцовой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 496 с. (100%.doc).

ISBN 978-5-17-085480-6

“Ноль ноль ноль” — маркировка самой чистой, тончайшего помола пшеничной муки. А на жаргоне наркоторговцев так обозначается кокаин самого высокого качества. Глобальной торговле кокаином — объединяющей бесправных крестьян мексиканской глубинки, боевиков наркокартелей, леваков-повстанцев в джунглях Колумбии и созданные для борьбы с ними военизированные отряды самообороны, семейства калабрийской ндрангеты и организованные преступные группировки из России и бывших советских республик, — а также связанному с нею резкому всплеску насилия и опутавшему весь мир механизму отмывания преступных доходов, в котором оказываются замешаны крупнейшие американские банки, и посвящено расследование итальянского писателя и журналиста Роберто Савьяно.

УДК 339
ББК 67.408

ISBN 978-5-17-085480-6

- © Roberto Saviano, 2013
All rights reserved
© Я. Арькова, М. Козлова, Е. Степанцова, перевод на русский язык, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

Оглавление

	КОКА № 1	11
Глава 1	Урок	15
Глава 2	Большой взрыв	28
	КОКА № 2	52
Глава 3	Война за белую нефть	55
Глава 4	Убийца друзей	82
	КОКА № 3	103
Глава 5	Жестокости учатся	110
Глава 6	Z	128
	КОКА № 4	144
Глава 7	Пушер	149
Глава 8	Красавица и обезьяна	165
Глава 9	Дерево — это мир	219

КОКА № 5	270
Глава 10 Вес денег	273
Глава 11 Операция “Отмывание”	315
Глава 12 Цари — завоеватели мира	337
КОКА № 6	376
Глава 13 Морские пути	379
Глава 14 Белоснежная Африка	410
КОКА № 7	426
Глава 15 Сорок восемь	435
Глава 16 Собаки	444
Глава 17 Рассказавшему — смерть	450
Глава 18 Addicted	460
Глава 19 ооо	476
<i>Благодарности</i>	486

*Эту книгу я посвящаю всем карабинерам из моей охраны.
Тридцати восьми тысячам часов, проведенным вместе.
И тем, что еще придется провести.
Где бы то ни было.*

Я не боюсь, что меня затопчут.
Затоптанная трава становится тропой.

Блага Димитрова

КОКА № 1

Кокаин употребляет тот, кто сейчас сидит с тобой рядом в поезде, — он делает это, чтобы проснуться с утра. Или водитель автобуса, на котором ты едешь домой, — потому что хочет отработать сверхурочные, и чтобы при этом не сводило шею. На кокаине сидит твой самый близкий человек. Если это не твой отец, не мать и не брат, значит, это твой сын. Если не сын, то твой начальник. Или его секретарша, которая нюхает коку по субботам для развлечения. Если не начальник, то его жена, которая делает это, чтобы расслабиться. Если не жена, значит, любовница: он дарит ей белый порошок вместо сережек, и это лучше любых бриллиантов. Если не они, значит, водитель грузовика, который привозит тонны кофе в бары твоего города и не смог бы выдержать столько часов в дороге без кокаина. Если не он, тогда медсестра, меняющая катетер твоему дедушке, — ей под кокаином все кажется легче, даже ночью. Не она, так маляр, перекрашивающий дом твоей девушки, — он начал из любопытства, а потом оказался в долгах. Нюхает кокаин тот, кто рядом с тобой. Это полицейский, который собирается тебя остановить; он зависим уже много лет, все об этом давно догадались и пишут анонимные письма старшим по званию, надеясь, что его отстранят

раньше, чем он надевает глупостей. Не он, так хирург, который сейчас просыпается, чтобы сделать операцию твоей тете, и без кожи он бы не смог резать по шесть человек в день; или адвокат, к которому ты идешь, чтобы получить развод. Судья, который вынесет решение по твоему гражданскому иску, — и не то чтобы он считал это пороком, скорее средством насладиться жизнью. Кассирша, продающая тебе лотерейный билет, который, как ты надеешься, изменит твою жизнь. Столяр, изготавливающий мебель, которая обошлась тебе в половину зарплаты. Если не он, то на кокаине сидит рабочий, пришедший собрать шкаф из “Икеи”, с которым ты сам бы не справился. Если не он, значит — председатель правления дома, который вот-вот позвонит тебе в домофон. Или электрик, тот самый, который сейчас пытается перенести розетку в твоей спальне. Или певец, которого ты слушаешь, чтобы отвлечься. Нюхает кокаин священник, к которому ты идешь с вопросом, можно ли тебе пройти конфирмацию, ведь ты должен крестить внука, а он удивляется, что ты еще не принял это таинство. И официанты, которые будут подавать тебе еду на свадьбе в следующую субботу, — если бы они не нюхали, у них бы не было сил столько часов проводить на ногах. А не они, так член городской управы, который только что вынес постановление о новых пешеходных зонах, — ему кокаин дают даром, в обмен на разного рода услуги. На порошке сидит работник парковки, которому становится весело, только когда он под кайфом. Его принимает архитектор, перестроивший твой летний домик, или почтальон, доставивший тебе конверт с новой банковской картой. А не он, так девушка из кол-центра, которая звонким голосом интересуется, чем может быть тебе полезна. Эти радостные нотки, одни и те же при ответе на каждый звонок, — эффект белого порошка. А если не она, так значит, аспирант, который сидит сейчас справа от профессора и готовится принять у тебя экзамен. От кокаина он делается нервным. Или физиотера-

певт, который пытается вылечить твое колено, — этот от кокаина, наоборот, становится общительным. Его употребляет нападающий — тот самый, из-за чьего гола ты за несколько минут до конца матча проиграл спор, в котором уже считал себя победителем. Кокаин употребляет проститутка, к которой ты заходишь перед тем, как поехать домой, чтобы выпустить пар, потому что больше не можешь терпеть. Она закидывается, чтобы не видеть, кто перед ней — или сзади нее, сверху, снизу. Нюхает кокаин мальчик по вызову, которого ты подарила себе на пятидесятилетие. Ты и он. Кокаин дает ему почувствовать себя самым мужественным на свете. Пытаясь похудеть, употребляет кокаин твой партнер по спаррингу, с которым ты тренируешься на ринге. А не он, так инструктор по верховой езде, занимающийся с твоей дочерью, или психолог, к которому ходит твоя жена. Сидит на кокаине лучший друг твоего мужа, тот, что годами ухаживает за тобой, но никогда тебе не нравился. Если не он, так значит, директор твоей школы. Или завхоз. Агент по недвижимости, опаздывающий именно тогда, когда ты смог освободиться, чтобы посмотреть квартиру. Охранник, прячущий лысину под остатками волос, когда все остальные уже избавились от них. А не он, так значит, нотариус, которого ты предпочел бы больше никогда не видеть, — он употребляет кокаин, чтобы не думать об алиментах, которые должен заплатить бывшим женам. А если не он, то таксист, матерящийся в пробке, но потом снова становящийся веселым. Или инженер, которого тебе приходится приглашать в гости, ведь он, возможно, сможет помочь тебе с продвижением по службе. Регулировщик, который выписывает тебе штраф и сильно потеет, когда говорит, даже если на дворе зима. Мойщик стекол с запавшими глазами, которому удастся купить коку, заняв денег; или парень, засовывающий под дворник машины по пять листовок за раз. Вечно нервный политик, обещавший тебе торговую лицензию, тот самый, которого ты отправил в пар-

ламент, проголосовав за него вместе со всей семьей. Профессор, выкинувший тебя с экзамена, стоило тебе только задуматься. Или онколог, к которому ты идешь на прием; говорят, он лучший, и ты надеешься, что он сможет тебя спасти, — под кокаином он чувствует себя всемогущим. Или же гинеколог, забывший выбросить сигарету перед тем, как войти в палату к твоей жене, у которой уже начались схватки. Твой вечно хмурый родственник или же вечно веселый парень твоей дочери. Если не они, значит, торговец рыбой, раскладывающий на виду свой товар, или работник заправки, проливающий бензин мимо бака. Он нюхает кокаин, чтобы чувствовать себя молодым, а сам даже заправочный пистолет не может вставить куда следует. Или же врач, с которым вы знакомы много лет и который принимает тебя без очереди, потому что ты знаешь, что подарить ему на Рождество. Употребляет коку твой консьерж, а если не он, то репетиторша, дающая уроки твоим детям, учитель по фортепиано, с которым занимается твой внук, костюмер театральной труппы, на спектакль которой ты пойдешь сегодня вечером, ветеринар, лечащий твоего кота. Мэр, к которому ты ходил ужинать. Проектировщик дома, в котором ты живешь; писатель, книгу которого ты читаешь перед сном; журналистка, которую ты увидишь по телевизору. Но если, подумав как следует, ты все же утверждаешь, что никто из этих людей не может употреблять кокаин, ты либо слепой, либо врешь. Или все проще, и человек, который делает это, — ты сам.

Глава 1

Урок

— О ни все сидели за столом, в Нью-Йорке, недалеко отсюда.
— Где? — инстинктивно спросил я.
Он посмотрел на меня так, будто хотел сказать: не думал, что ты станешь задавать настолько идиотские вопросы. То, что он собирался рассказать мне, было своего рода встречной услугой. Несколько лет назад полиция арестовала в Европе одного парня, мексиканца с американским паспортом. Его отправили в Нью-Йорк, потом оставили, что называется, “на водяной бане”, то есть с головой опустили в мир наркоторговцев, но так, чтобы он при этом не попал в тюрьму. Он то и дело сливал информацию, и в обмен на это его не арестовывали. Он был не то чтобы осведомителем, но кем-то вроде, не чувствуя себя в результате ни подлецом, ни одним из молчаливых участников круговой поруки. Полицейские не спрашивали у него ничего конкретного, что могло бы навлечь на него подозрение банды, только общее. Он был нужен затем, чтобы приносить настроения, разговоры, слухи о сходках или войнах. Не доказательства, не улики — только слухи. Улики они взялись бы искать во вторую очередь. Но теперь этого было мало. Па-

рень записал на свой айфон речь одного из людей на сходке, в которой он участвовал. Полицейские забеспокоились. Некоторые из них — те, с кем я имел дело уже многие годы, — хотели, чтобы я написал об этом. Написал где-нибудь и поднял шум, чтобы посмотреть на их реакцию, понять, действительно ли история, которую я сейчас услышу, была правдой, или же это просто спектакль, пьеса, поставленная кем-то для того, чтобы взбаламутить чикано¹ и итальянцев. Я должен был написать об этом, чтобы поднять волну в среде, где эти слова были сказаны и услышаны.

Полицейский ждал меня на небольшом пирсе в Баттери-Парк — без маскировочной шляпы и черных очков, никаких глупых переодеваний. Он пришел в цветастой футболке и шлепанцах, с улыбкой на лице и видом человека, которому не терпится рассказать какой-нибудь секрет. По-итальянски он говорил с сильной примесью диалекта, но вполне сносно. Он не искал в моем лице приятеля, у него был приказ рассказать мне о том, что произошло, и он сделал это без особых раздумий. Я очень хорошо это помню. Его рассказ остался внутри меня. Со временем я убедился, что вещи, которые мы помним, хранятся у нас не только в голове, не в одном и том же участке мозга. Я убедился в том, что все остальные органы тоже имеют память — печень, яйца, ногти, ребра. Когда слышишь последние слова, они застревают там. И когда эти части тела запоминают что-либо, они передают записанное в мозг. Чаще всего я замечаю, что помню некоторые вещи желудком, который как бы накапливает все прекрасное и отвратительное. Я знаю, что эти воспоминания там. Знаю потому, что он шевелится. Иногда шевелится и живот. Это диафрагма создает волнение — тонкая пластинка, мембрана, пустившая корни в самом центре нашего тела. Оттуда происходит все. Диафрагма заставляет нас задыхаться и вздраги-

1 Жители латиноамериканского происхождения в США.

вать, но также мочиться, испражняться и плевать. Оттуда идут толчки при родах. А еще я уверен, что есть части тела, которые собирают все самое худшее: там хранятся отходы. Не знаю, где внутри меня этот отсек, но он точно переполнен. Сейчас он набит настолько, что туда больше ничего не влезет. Место для моих воспоминаний, точнее для отходов, кончилось. Казалось бы, это хорошая новость — нет больше места для боли. Как бы не так. Если мусору некуда деваться, он начинает лезть туда, куда не следует, в места, где хранятся всякие воспоминания. Рассказ полицейского до краев переполнил ту часть меня, что помнит все худшее. Все то, что всплывает на поверхность, когда думаешь, что жизнь налаживается, когда встречаешь светлое утро, когда возвращаешься домой, когда думаешь, что оно того стоило. В такие минуты откуда-то, как испарения или клокочущий поток, поднимаются мрачные воспоминания. Как засыпанный землей и покрытый пластмассой мусор на свалке все равно находит способ вылезти и отравить все вокруг. Именно в этой части тела я храню память о его словах. Нет смысла искать ее точное положение, ведь даже найди я его, бесполезно бить это место кулаками, тыкать в него ножом, пытаться выдавить из него слова, как гной из мочевого пузыря. Все там. Все должно остаться там. Точка.

Полицейский рассказал мне, что парень, его информатор, получил единственный урок, который стоило услышать. Не с тем, чтобы настучать, а чтобы потом переслушать самому. Урок о том, как жить в этом мире. Парень дал полицейскому послушать эту запись от начала до конца — вставив один наушник ему в ухо, другой оставив себе, с сердцем, готовым вырваться из груди, он нажал на воспроизведение.

— Когда ты об этом напишешь, мы увидим, не разозлится ли кое-кто... Это будет значить, что эта история — правда и теперь у нас есть подтверждение. А если ты напишешь и никто ничего не сделает, значит, либо это ерунда и какой-нибудь второсортный актеришка и наш чикано нас провели, либо...

либо никто не верит в ту хрень, которую ты пишешь, и в этом случае нас надули.

Он засмеялся. Я кивнул. Я ничего не обещал, я пытался понять. Должно быть, этот воображаемый урок устроил какой-нибудь старый итальянский босс перед группой чикано, итальянцев, италоамериканцев, албанцев, бывших каибилей — гватемальских легионеров¹. По крайней мере, так говорил парень. Никакой информации, цифр, деталей. Ничего такого, что приходится заучивать насильно. Заходишь в комнату одним, выходишь другим. У тебя такая же одежда, стрижка, борода той же длины. На тебе нет следов муштры, нет порезов на бровях, нос не сломан, тебе не промыли мозг какими-то нравоучениями. Выходишь — и на первый взгляд ты точно такой же, каким тебя затолкнули в комнату. Но только внешне. Внутри все иначе. Тебе не открыли всю правду, а просто расставили по местам некоторые вещи. Те, которые до этого самого момента ты не знал, как использовать, которые у тебя не хватило смелости узнать, разложить по полочкам, рассмотреть повнимательней.

Полицейский читал мне из блокнота записанную на слух речь босса. Они собрались в комнате недалеко отсюда. Сели в случайном порядке, не подковой, как это обычно бывает во время церемонии принятия в клан. Так же, как сидят в клубах по интересам где-нибудь на юге Италии, в провинции, или же в ресторанах на Артур-авеню², чтобы посмотреть футбол. Но в той комнате не смотрели футбол, не встречались с друзьями, там были только члены преступных группировок разного ранга. Из-за стола встал какой-то старый итальянец. Все знали, что это уважаемый человек, приехавший в Штаты после долгого пребывания в Канаде. Он начал говорить, не представившись, но это было не нужно. Он говорил

1 Элитное армейское подразделение, созданное для борьбы с повстанцами во время гражданской войны в Гватемале.

2 Одна из улиц в “Маленькой Италии” в Бронксе, Нью-Йорк.

на каком-то недоязыке: на итальянском, смешанном с английским и испанским, иногда переходя на диалект. Я хотел узнать, как его зовут, и попробовал спросить об этом полицейского, делая вид, что мне просто вдруг стало интересно. Тот даже не собирался мне отвечать. Я услышал только слова босса.

“Мир тех, кто верит в правосудие, в законы, одинаковые для всех, в старание, в чувство собственного достоинства, в чистые улицы, в то, что женщины могут быть ровней мужчинам, — это мир долбанных педиков, которые считают, что могут обмануть самих себя. И тех, кто вокруг. Оставим все эти сказочки про лучший мир дуракам. Богатым дуракам, которые покупают себе эту роскошь. Роскошь верить в мир счастья и справедливости. Богачам с чувством вины или тем, кому есть что скрывать. *Who rules just does it, and that's it.* Кто правит, просто правит, — вот и все. Он может говорить, что действует в интересах добра, справедливости, свободы. Но это все бабские разговоры, оставим их богачам и кретинам. Кто управляет, тот управляет. Вот и все”.

Я пытался разузнать, во что он был одет, сколько ему было лет. То были вопросы легавого, хроникера, любопытного, одержимого, который с помощью этих деталей надеется определить, что это за тип, что за главарь, раз уж он произносит такие речи. Мой собеседник не обращал на меня внимания и продолжал. Я слушал его и мысленно просеивал слова, как песок, чтобы найти крупницу золота — имя. Я слушал его слова, но искал другое — улики.

— Он хотел объяснить ему правила, понимаешь? — сказал мне полицейский. — Чтобы они попали ему прямо внутрь. Я уверен, что он не врет. Клянусь, он не пустобрех, этот мексиканец. Я голову дам на отсечение, даже если мне никто не верит.

Он снова уткнулся в блокнот и продолжил читать.

“Правила организации — это правила жизни. Законы государства — это правила для тех, кто хочет поиметь осталь-

ных. А мы никому не дадим себя поиметь. Те, кто делает деньги без риска, всегда будут бояться тех, кто делает деньги, рискуя всем. *If you risk all, you have all*¹, ясно? А если ты думаешь, что можешь спастись или вывернуться, не попав в тюрьму, не подавшись в бега, не прячась, лучше сразу сказать все как есть: ты не мужчина. А если вы не мужчины, сейчас же выйдите из этой комнаты и даже не надейтесь на то, чтобы стать ими. Вы никогда не станете настоящими мужчинами, уважаемыми людьми”.

Полицейский смотрел на меня. Глаза его были сощурены так, будто он пытался сфокусироваться на том, что уже отлично знал. Он прочитал и прослушал эти показания уже несколько десятков раз.

“Ты веришь в любовь? Любовь заканчивается. Веришь в свое сердце? Сердце останавливается. Нет? Ни в любовь, ни в сердце? Тогда, может быть, ты веришь в баб? Но ведь любая дырка когда-нибудь да высохнет. Веришь в свою жену? Как только у тебя закончатся деньги, она скажет, что ты уделяешь ей мало внимания. Веришь в детей? Как только ты перестанешь давать им на расходы, они скажут, что ты их не любишь. Веришь в собственную мать? Если ты не будешь ей вместо сиделки, она скажет, что ты неблагодарный сын. Слушай, что я тебе скажу: ты должен жить. Жить надо для себя. И для себя самих надо заслужить уважение — и уважать других. Семью. Уважать тех, кто вам нужен, и ни в грош не ставить тех, кто не нужен. Уважение завоевывает тот, кто может вам что-то дать, а теряет его тот, кто бесполезен. Быть может, вас не уважают те, кто чего-то от вас хочет? Те, кто боится вас? А когда вы ничего не можете дать? Когда вы больше ни для чего не годитесь? К вам относятся как к отбросам. Когда с вас нечего взять, вы и есть ничто”.

— Здесь я понял, — сказал мне полицейский, — что босс, этот итальянец, важная шишка, он в жизни много чего повидал. На самом деле много. Мексиканец не мог сам записать

1 “Рискнешь всем — получишь все” (англ.).

эту речь. Он ходил в школу до шестнадцати лет, и в Барселоне его отловили в каком-то игорном доме. А этот калабрийский диалект — как мог актер или какой-нибудь выскочка его спародировать? Если бы не бабушка моей жены, даже я бы не понял, что он говорит.

Я десятки раз слышал речи о нравственной мафиозной философии в показаниях раскаявшихся преступников и перехваченных разговорах. Но в этой было что-то необычное. Она подавалась как способ воспитания, выправки духа. Это была мафиозная критика практического разума.

“Я говорю с вами, и кто-то из вас мне даже нравится. А кому-нибудь другому я бы дал в морду. Я прикончил бы даже того из вас, кто нравится мне больше всех, если у него больше денег или баб. Если один из вас станет мне братом и я сделаю его равным себе, ясно, чем это кончится: он попытается поиметь меня. *Don't think a friend will be forever a friend*¹. Меня убьет тот, с кем я делил еду, сон, все. Меня убьет тот, кто приютил меня, кто обогрел. Я не знаю, кто это, иначе я бы его уже убрал. Но это случится. Если он не убьет меня, то предаст. Правило есть правило. А правила — это не законы. Законы — для трусов. Правила — для людей. Поэтому у нас есть правила чести. Они не заставляют тебя быть правильным, справедливым или хорошим. Они объясняют, как управлять. Что ты должен делать, чтобы управлять людьми, деньгами, властью. Эти правила помогают тебе понять, что делать, если ты хочешь командовать, если хочешь поиметь того, кто стоит сверху, и не дать тому, кто снизу, поиметь тебя. Объяснять правила чести не нужно. Они есть — и все. Они написались сами, и у каждого человека чести они в крови. Как ты можешь решить?..”

Это он меня спросил? Я искал наиболее правильный ответ. Но осмотрительно подождал, прежде чем заговорить, подумав, что полицейский все еще передавал слова босса.

1 “Не думай, что друг всегда останется другом” (англ.).

“Как ты можешь решить за несколько секунд, за несколько минут, несколько часов, что тебе делать? Если ошибешься, годами будешь расплачиваться за неверный выбор. Правила есть, они есть всегда, ты просто должен выучить их и понять, как они действуют. А еще есть божьи законы. Божьи законы — в правилах. Я говорю об истинных божьих законах — а не о тех, которыми пользуются, чтобы запугать простых смертных. Но запомните вот что: даже со всеми, какими хотите, правилами чести вы точно знаете только одно. Вы — люди, если в глубине души знаете, какова ваша судьба. Простые смертные пресмыкаются для собственного удобства. Люди чести знают, что все смертно, что все проходит, что ничего не остается. Журналисты начинают с того, что хотят изменить мир, а заканчивают тем, что хотят стать главными редакторами. На них куда проще повлиять, чем подкупить. Каждый стоит чего-то только для самого себя и для Почтенного общества¹. А оно говорит, что ты чего-то стоишь, только если командуешь. Кроме того, ты можешь выбирать методы воздействия. Можешь жестко контролировать или покупать согласие. Можешь управлять, проливая чужую кровь или свою. Почтенное общество знает, что каждый человек слаб, избалован и тщеславен. Ему известно, что люди не меняются, поэтому правило — это все. Связи, основанные на одной только дружбе, без правил не стоят ничего. Для всех проблем — от ушедшей от тебя жены до развала твоей команды — решение одно. И это решение зависит лишь от того, сколько ты предлагаешь. Если вам что-то не подходит, значит, вы мало предложили, не ищите других причин”.

Все это казалось каким-то семинаром для начинающих боссов. Как такое возможно?

“Дело в том, чтобы понять, кем ты хочешь быть. Если ты грабишь, стреляешь, насилуешь, торгуешь наркотиками, ты

¹ *L'Onorata Società (um.)* — один из терминов, которыми называют мафию ее члены.

какое-то время будешь зарабатывать, а потом тебя поймут и сотрут в порошок. Ты можешь это делать. Да, можешь. Но недолго, ты ведь не знаешь, что с тобой случится. А люди будут бояться тебя, только если ты засунешь им пистолет в пасть. Но как только ты повернешься спиной? Как только ограбление не удастся? Если ты часть организации, ты знаешь, что для всего есть правила. Если хочешь заработать — есть способы, как это сделать. Хочешь убивать — есть причины и методы. Если хочешь чего-то добиться, можно и так, но ты должен добиться уважения, доверия и стать незаменимым. Правила есть и на тот случай, если ты хочешь их изменить. Все, что ты делаешь в нарушение правил, может закончиться как угодно. А все, что ты делаешь по правилам чести, приводит тебя к результату, который тебе совершенно точно известен. И тебе совершенно точно известна реакция всех, кто тебя окружает. Если вы хотите быть как все — пожалуйста. Если вы хотите стать уважаемыми людьми, у вас должны быть правила. Разница между обычным и уважаемым человеком в том, что уважаемый человек всегда знает, что произойдет. А обычного человека может оставить в дураках случай, невезение или собственная глупость. С ним всякое случается. А уважаемый человек знает, что произойдет и когда. Ты точно знаешь, что тебе принадлежит, а что нет, и ты будешь знать это до того предела, до которого можешь пропихнуться, даже если захочешь выйти за рамки правил. Все хотят иметь три вещи: власть, баб, деньги. Даже судья, когда приговаривает плохих парней. Даже политики — они тоже хотят денег, баб и власти, но чтобы получить их, они корчат из себя незаменимых, защитников порядка, бедных или черт знает чего еще. Все хотят денег, *money*, и при этом говорят, что хотят чего-то другого или же что делают что-либо ради других. Правила Почтенного общества — это правила, созданные для того, чтобы управлять всеми. Оно знает, что ты хочешь власти, баб и денег, но знает и то, что человек, готовый отказать-

ся от всего, в итоге располагает жизнями всех. Кокаин. Вот что такое кокаин: *all you can see, you can have it*¹. Без кокаина ты никто. С ним ты можешь стать кем хочешь. Если ты нюхает кокаин, то имеешь сам себя. Без организации ты никто. Она дает тебе правила, чтобы куда-то пробиться в этом мире. Она дает тебе правила, чтобы убивать, правила, из которых ты узнаешь о том, как тебя убьют. Хочешь вести нормальную жизнь? Хочешь ничего не стоять? Пожалуйста. Достаточно не видеть, не слышать. Но запомни одно: в Мексике, где ты можешь делать что хочешь, ширяться, трахать девочек, садиться в машину и гнать так быстро, как тебе вздумается, главный на самом деле только тот, у кого есть правила. Если вы делаете глупости, у вас нет чести, а если у вас нет чести, то нет и власти. Вы такие же, как и все”.

Полицейский начал тыкать пальцем в совсем исчириканную страницу блокнота:

— Видишь, видишь, вот здесь... Он хотел объяснить прямо-таки все. Как жить, а не как стать мафиозо. Как жить.

“Работай, и работай много. *You have some money*², немного денег. Возможно, у тебя будут и красивые женщины. Но женщина бросит тебя ради того, кто красивее и у кого больше денег, чем у тебя. Может, ты проживешь достойную жизнь, но это вряд ли. А может, дерьмовую, как и все. Когда ты окажешься в тюрьме, те, кто на свободе, кто считает себя невинными, будут тебя оскорблять, но ты, возможно, будешь править. Тебя будут ненавидеть, но ты обеспечишь себе состояние и все, что хочешь. На твоей стороне будет организация. Может случиться и так, что ты немного помучаешься, а потом тебя убьют. Ясное дело, организация всегда с теми, кто сильнее. Вы можете взобраться на самый верх, живя по правилам плоти, крови и денег. Если будете слабаками, если ошибетесь, вас поимеют. Если справитесь как надо, вам за это воздаст-

1 “Все, что ты видишь, может стать твоим” (англ.).

2 “У тебя есть немного денег” (англ.).

ся. Если свяжетесь не с теми, вас поимеют. Если будете воевать не с теми, вас поимеют. Если не сможете удержать власть, вас поимеют. Такие войны в рамках дозволенного, *are allowed*. Это наши войны. Вы можете выиграть или проиграть. И только в одном случае вы будете проигрывать всегда и больше всего. Если вы предатели. У тех, кто идет против организации, нет шансов выжить. От закона можно убежать, от организации — нет. Убежать можно даже от Бога, ведь появления блудного сына Бог всегда ждет. Но от нее не убежать. Если ты предал и бежишь, если тебя надули и ты бежишь, если не следуешь правилам и бежишь, кто-нибудь за тебя ответит. *They will look for you. They will come to your family, to your allies*¹. Ты навсегда в списке. И ничто уже не сотрет твое имя. *Nor time, nor money*. Ни время, ни деньги. Ты проклят навечно, ты и все твое потомство”.

Полицейский закрыл блокнот.

— Парень вышел, как с сеанса гипноза, — сказал он. Он помнил последние слова мексиканца наизусть: “А я предаю? Сейчас, когда передаю тебе эти слова?”

— Напиши об этом, — добавил полицейский. — Мы за ним приглядываем. Я посажу ему на хвост троих своих людей, на двадцать четыре часа в сутки. Если кто-нибудь попробует добраться до него, станет ясно, что он не наговорил ерунды, что все это не клоунада и что тот человек — настоящий босс.

Его рассказ меня поразил. В моих краях всегда делали так. Но было странно слышать те же самые слова здесь, в Нью-Йорке. В моих краях тыходишь в систему не только ради денег, ты делаешь это, чтобы стать частью организации, чтобы действовать как на шахматной доске. Чтобы точно знать, какую пешку подвинуть и когда. Чтобы понять, когда тебе грозит шах. Или когда ты слон и вы с твоим конем обдурили короля.

1 “Тебя будут искать. Они придут за твоей семьей, к твоим союзникам” (англ.).